

Зверь

Автор:

Евдокия Гуляева

Зверь

Евдокия Гуляева

Он – Зверь. Красивый, безжалостный, с глазами цвета осеннего неба. Я – молодая девушка, случайно оказавшаяся не в то время и не в том месте, попавшая, по воле случая, в совершенно чужой, его жестокий мир, со своими порядками, законами и принципами. Каждая девушка верит в сказки... Как же больно будет убедиться, что сказок не существует!

Современный любовный роман. Первая книга дилогии.

Евдокия Гуляева

Зверь

Пролог

Утро только начиналось, и первые лучи солнца пробивались сквозь уходящие сумерки ночи. Они ласкали с трудом просыпающиеся дома, улицы, проспекты, запутывались в ветках деревьев. Лучи играли с городом, будили его, но сам город еще спал, и это как раз то время суток, когда сон самый крепкий – 5.40 часов утра.

Он не спал. Стоял у открытого панорамного окна, и первые лучи солнца бегали по его коже, заигрывая с ним. Он смотрел вдаль, прямо за горизонт – казалось бы, город просто бесконечен. Мегаполис действительно поражал своей утренней красотой. Завораживал. Влажный весенний утренний ветерок попал в квартиру и, тихонько лаская, играл со шторами, порхая по их идеально задрапированным складкам. Утренний город пах весной. Апрель.

Он – мужчина лет тридцати четырех, с глазами цвета осеннего неба. Острые скулы, волевой подбородок, прямой нос, полные, плотно сжатые губы. По-мужски красив, с жесткими хищными чертами лица. Мощная татуированная спина, крепкие ягодички, сильные ноги. Гол, потому что только встал с постели. Его образ портил лишь широкий рваный шрам на боку, тянущийся по ребрам до самого таза. Плохо или наспех зашитый – со временем уже не понятно. Его рваные края так некрасиво срослись, портя идеальную картинку такого не идеального мужчины.

Его тяжелая энергетика пропитала стены этой спальни. Темный стальной цвет преобладал в интерьере. На разобранной кровати, в смятых серых простынях, потягиваясь, лежала стройная красивая брюнетка.

– Почему ты встал так рано? – томно спросила она.

Он промолчал.

Да и к чему говорить с вещью?! К чему и зачем?! Как же ее зовут? Лена, Оля, Светлана, Мила... Не помню. В мыслях только одно: не нужна.

Потянулся, играя мышцами спины. Вдохнул утренний воздух, но так и продолжал молча стоять и смотреть на город.

А посмотреть было на что!

С верхнего этажа его пентхауса открывался прекрасный вид на проспект с его ровными, красивыми зданиями, поражающими своими бликующими фасадами. За домами – лесопарковая зона с прудом. Совсем скоро улицы заполнятся бегущими на работу людьми, парк – мамашами с колясками, которые вышли подышать свежим воздухом, и город вздохнет, принимая на себя трудности начала рабочего дня. Заработают кофейни внизу, побегут почтальоны и курьеры

с посылками, задвигается поток машин по центральному проспекту. А пока – Он, в этой тишине, один на один с этим городом. Портит настроение только гостья.

– Уходи, – тихо сказал Он. И, казалось, что в тишине этого утра, его слова прозвучали так оглушающе громко.

Брюнетка тихо встала с постели, быстро нагнулась, собрала с пола свои разбросанные вещи и так же незаметно вышла, тихо прикрыв за собой дверь спальни, побоявшись даже попрощаться.

Вот так все они тихо входили в его жизнь лишь на мгновение и так же незаметно для него исчезали из нее. Ненужные ему. Лишние люди. А хотел ли он хоть на мгновение нарушить ход своей жизни, впустив кого-то дальше, в свое сердце? Нет, наверное, нет. Потому, что у него не было сердца.

Спокойствие утра нарушил ранний звонок его мобильного.

– Зверев, – коротко ответил Он.

Глава 1

Начало апреля, канун праздника святой Пасхи, светило солнце, а капель заряжала всех хорошим настроением в преддверии праздничных выходных. Я зашла в ближайший соседний магазинчик за продуктами для кулича...

А потом все. Тишина...

Очнулась резко, как будто вынырнула на поверхность из глубокой, затягивающей водной воронки. Выплыла из бессознательного состояния, в котором, судя по всему, находилась все последнее время, судорожно глотая воздух, с жадностью пытаюсь надышаться.

«Что со мной произошло? Где я?» спрашиваю себя и не могу понять, так как оглядеться в кромешной темноте не представляется возможным.

Вдыхая запах подвальной сырости, то тут, то там, слышу тихие, судорожные всхлипы, кое-где перерастающие в протяжные, явно женские, стоны. Жуткое состояние. Попыталась выдернуть из-за спины затекшие руки, но ничего не вышло. Намертво связанные, туго перетянутые, они отозвались только ноющей болью на мою неудавшуюся попытку. Я тихо застонала. Все тело начало скручивать от боли. Я стала ее ощущать только сейчас, постепенно, с приходом медленно возвращающегося сознания.

Сколько снято про это передач, документальных фильмов, но я всегда считала, что эта беда никогда меня не коснется.

«Кто мог выкрасть меня вот так просто, посреди дня?! Кто и для чего?! Ведь выкуп требовать за меня бесполезно!»

«Маньяк!» – блеснула в голове первая мысль, от которой меня всю передернуло!

«Нас выкрали на органы!» – еще более жуткая, совершенно сводящая с ума идея!

Я попыталась хоть немного перевернуться, поменять положение тела, чтобы хоть как-то облегчить не проходящую боль в затекших конечностях, но этими попытками, казалось, сделала себе только хуже. Из глаз брызнули слезы, а изо рта вырвался первый, страшный хрип. Горло пересохло настолько, что невозможно было глотнуть.

«Больно, как же больно! И страшно...»

Боюсь, жутко боюсь боли, неизвестности и начинаю считать. Вот так, до шестидесяти и снова с единицы. Минуты растягиваются в часы, но меня этот счет начинает понемногу успокаивать. Я никогда не отличалась истеричностью, вот и сейчас, лежа в темноте и прислушиваясь к окружающим хрипам и стонам, стараюсь убедить себя, что как только у меня появится хоть малейший шанс на побег, я им обязательно воспользуюсь.

Маньяк – не маньяк, органы или что-то другое, более страшное – находясь здесь и сейчас, в абсолютном неведении, ничего сделать нельзя. В таком случае и накручивать себя бесполезно. Нужно только успокоиться. Похитители, в любом случае, должны объявиться, а уж тогда...

Вспомнила слова мамы, такие подходящие сейчас к данной, уже сложившейся ситуации: «Проблемы нужно решать по мере их поступления!»

Услышав громкие глухие шаги, раздавшиеся рядом, тело прошиб холодный пот. Каждый такой шаг эхом раздавался прямо в моей голове, вместе с бешено стучавшим сердцем. Кто-то явно приближался. Затем щелчок открываемой двери, и резкий электрический свет, бьющий по воспаленным от слез глазам...

Я как могла крепко зажмурилась. От неожиданного яркого света мозг прострелило тысячами маленьких иголочек! По возне в комнате поняла, что зашло несколько человек. Грубо переворачивая нас, не церемонясь, нам развязывали руки и ноги. Я лежала стараясь не шевелиться, потому, что тело начало отходить, и застывшая кровь побежала по оледеневшим конечностям, принося с собой дикую боль. Меня буквально скручивало от ломоты в затекшем теле! С каждым движением резь становилась еще более невыносимой. Казалось, что я сейчас просто умру от шоковой реакции организма на эту пытку. Стонала не я одна. За каждый такой громкий стон мы получали по очень ощутимому пинку от наших похитителей, прямо по извивающимся, окоченевшим от холода телам.

– Кого нам приволокли в этот раз? – услышала я, как вошедшие начали переговариваться между собой.

– Мне в общем-то плевать, все как обычно. Заказывали блондинок – получили блондинок. Вон та рыжая только как сюда затесалась?

Я сразу поняла, что они говорят явно обо мне. Мой ярко медный цвет волос нельзя было не заметить.

– А заменить ее никем нельзя? Хозяин будет очень недоволен!

– Нет, Боров, что привезли, то и будем отмывать. Пусть Сергей сам разбирается с горе-поставщиками. Аукцион уже сегодня, поэтому менять или не менять – решать только ему.

– Вставайте, шевелитесь, сучки! – громко крикнул уже нам.

Прошло немного времени, и я попыталась открыть глаза. Получалась плохо, потому что они слезились от яркого света.

– Боров, тащи шланг, ополоснем товар.

Я начала осматриваться. Бетонный пустой бокс, без окон, с небольшим воздухозаборником под самым потолком и одиноко висящей лампочкой Ильича, свет которой так раздражал глаза. Кроме меня, в комнате находились еще четыре девушки. Они, как и я, пытались отойти от долгого лежания на голом полу.

– Ну, что разлеглись?! Раздевайтесь, живо. Мыться будем, – сказал один из похитителей, скривив губы, подходя ближе, вздергивая меня за шкурку вверх.

Приняв сидячее положение, мне стало немного легче. Подтянув ноющие ноги к себе, обняв их руками, сжалась, приняв позу эмбриона. Да, сбежать из этой комнаты возможности не представлялось, но, перебрав в памяти разговор похитителей, вспомнила о каком-то аукционе. Какой – никакой, а это шанс. Если нас выведут отсюда, то появится возможность осмотреться, а там уже будет виднее...

Перевела взгляд на говорившего с нами мужчину: до отвращения неприятный тип, щербатый, грузный, с маленькими, бегающими глазками на крупном лице. Его начисто бритая голова поблескивала в ярком свете висевшей под потолком лампы, вызывая чувство омерзения.

В это время, второй, Боров кажется, так к нему обращался Щербатый, снова вернулся в комнату, занося свернутый кольцом шланг.

«Неужели не шутили?! Будут заставлять мыться прямо здесь?»

– Включай воду! – крикнул он кому-то.

Прямо на нас, жестко бьющим напором, полилась холодная вода, если не сказать ледяная. Направляя больно бьющую, прямо по изможденному телу, струю, то на одну, то на другую девушку, он громко захохотал:

– Ну же, сучки, наслаждайтесь подаренным душем! Таких подарков вам долго не предвидится!

Тот, второй, Щербатый заржал, вторя ему, встал, широко расставив толстые ноги и скрестив руки на груди:

– Раздевайтесь сами. В противном случае, я буду помогать каждой... – последнее слово произнес четко, явно глядя мне прямо в глаза.

Девочки начали потихоньку стаскивать с себя вещи, а я поднявшись вверх, придерживаясь ослабевшими руками за стену за спиной, стояла и пялилась на него, глупо считая, что этот дурной сон скоро закончится. Зажмурилась и стояла. Вот так, прислонившись к холодной, бетонной стене, с закрытыми глазами. Опять начала считать. Может быть, если я не буду открывать глаза, то я проснусь! Это ведь совершенно точно просто жуткий сон. Но из этого состояния меня вырвал удар головой о стену. Щербатый, подойдя ко мне и намотав мои волосы на кулак, просто ударил. Ударил больно, не для того, чтобы пришла в себя, а просто потому, что я для них не человек – товар. Одной больше – одной меньше... Как я поняла, меня легко смогут заменить.

«Выжить! Я должна выжить!». Удар привел меня в чувство, и надежда на то, что все происходящее сейчас – страшный сон, мгновенно испарилась.

– Боров, направь-ка освежающий душик на эту, рыженькую. Нужно привести ее в чувство! – сказал, и снова отошел назад, боясь испачкаться или намокнуть, брезгливо вытирая руку, которой держал мои свалывшиеся, грязные волосы о край своей футболки.

В лицо ударил сильный поток холодной воды. Нас поливали, как неодушевленные предметы, тут же в комнате-боксе, прямо из садового шланга. Глупо было рассчитывать на то, что нас выведут отсюда помыться, и появится возможность хоть на миг осмотреться. Я так и стояла в джинсах у стены в уже насквозь промокшей ветровке, которую необходимо было просто снять. Стянула, оставшись в футболке, и она сразу неприятно прилипла к телу. Холод собачий, а нас еще решили помыть! Чувствую, что у меня начинается истерика. Губы растянулись в улыбке. С таким успехом я не доживу и до вечера. Пусть я сдохну от холода, чем под этими уродами. Смешно! Еще вчера я думала, какой кулич испечь к Пасхе, в чем пойти вечером в кино с младшей сестренкой, звавшей

меня на очередной остросюжетный фильм-экшен, а сегодня стою под ледяными струями воды и мечтаю смертельно заболеть!

– Смотри, Боров, а рыжей нравится, – сказал тот, с щербатым ртом и заржал. – Вон как улыбается!

Я стояла, уже не обращая внимания на переговаривающихся мужчин и хаотично терла лицо, руки, пытаюсь смыть с себя пот и грязь, которые, казалось, просто впитались в каждую пору на моей коже. Терла обжигающей холодом водой, скребла ногтями, стараясь просто привести себя в чувство. Остервенело пытаюсь содрать с себя кожу вместе с этой, казалось бы, въевшейся грязью. Мои соседки по несчастью, кто в белье, кто уже в одних лишь трусиках, тоже пытались вымыться. Хоть немного. Никто не знает, сколько я пролежала без сознания, и сколько вообще мы находились в этом боксе без воды и условий. Нас даже не выводили в туалет! А выведут ли? Я начала поспешно стягивать с себя намокшие джинсы, оставив только футболку.

– Сергею явно не понравится, что нам доставили товар в таком состоянии, – продолжали переговариваться похитители между собой, поглядывая на нас, – он будет в ярости, а отвечать придется нам! Да еще и эта рыжая...

– Наверное не успевали, как обычно, протянули до последнего и схватили то, что было уже на выезде. С Сергеем попробуем договориться. Не рассерчает. В крайнем случае, оставит четырех, а эту просто в расход... Боров, давай, закрывай воду. Хватит с них!

– Надо бы кинуть им хоть какие-нибудь тряпки! Посмотри старые полотенца в подсобке. Сдохнут здесь мокрые, не дожив до вечера, а спрос потом будет с нас!

Тот, которого Щербатый называл Боровом, вздохнул, кивнув в знак согласия, смотал шланг – вышел. Через пару минут занёс стопку каких-то тряпок, бросил их на мокрый пол, прямо нам под ноги.

Как я поняла, экзекуция закончилась, и похитители просто вышли.

Девочки начали подходить к брошенной кучке полотенец сомнительной свежести, разбирая их. Я нагнулась и взяла оставшееся, следовало хотя бы попытаться просушить мокрые волосы. Сев в ближайшем углу, поджав под себя

ноги, я дрожала от холода. Казалось, что даже пар вырывался из моего рта с каждым выдохом!

Девочки расселись, так же обособленно, кто как мог, пытаюсь прийти в себя.

– Как думаешь, нам удастся сбежать? – тихим хриплым шепотом обратилась я к сидевшей рядом соседке по несчастью.

Она не ответила, явно думая о чем-то своем. Может быть даже не слышала моего вопроса. Я накрыла плечи уже мокрым полотенцем, стараясь не дрожать. Но это не помогало. Зуб на зуб не попадал.

– Как думаешь, где мы? – услышала я тихий, едва слышный шепот. Другая моя соседка, явно обращаясь ко мне, под села чуть ближе, протягивая мне сухое полотенце. – Возьми, у меня два.

Я отрицательно помотала головой, но она, пододвинувшись ко мне еще ближе, накрыла нас обеих.

– Вдвоем будет теплее...

– Да, наверное. Спасибо тебе, – обратилась я к ней.

– Как думаешь, они убьют нас? – спросила я хриплым, скорее не от холода, а от страха неизвестности голосом.

– Вряд ли они преследуют именно эту цель. Слышала, они готовят нас на какой-то вечерний аукцион. Как я понимаю, нас хотят продать в качестве секс-рабынь. Слышала я как-то о таких мероприятиях. Очень надеюсь, что попаду к одному из хозяев этого борделя или клуба, в лучшем случае, став его любовницей. Это если совсем повезет! Не повезет – продадут на аукционе кому-нибудь из братков. Тоже хорошо. Там хоть и не такая лучшая жизнь, но есть шанс, что смогу приглянуться кому-нибудь, продержаться подольше... А потом, может быть, сбегу, если будет на то, хоть малейший шанс, чего и тебе желаю.

Я задумалась над ее словами, более пристально приглядываясь и рассматривая девушек. Все четыре – миниатюрные красавицы-блондинки, как на подбор. Такие

любому приглянутся. Если уж попадем на аукцион, то меня могут взять только в поломойки, никак не в любовницы. Да и что я умею?! Чем смогу заинтересовать?! Шанс выжить у меня только один – сбежать.

– А покупатели на этом аукционе кто? Шейхи? – спросила я.

– Какие еще шейхи?! – засмеялась она. – У нас-то в стране! Криминал правит миром.

Ясно. Значит, не повезут никуда. Это уже плюс, потому как останемся дома, а здесь еще можно надеяться на побег и помощь со стороны властей.

Дверь снова открылась, и нам предложили облегчиться. Я сразу вызвалась первой, потому как хотела осмотреться. Но радость моя была недолгой. Все тот же, кого называли Боровом, отвел нас по одной в соседний с нашей камерой бокс-туалет. Ничего, кроме темноты, голых стен и унитаза. Сразу поняла – мы находились в подвале какого-то здания, потому что в туалете, сверху, через воздуховод, гулом доносилась клубная музыка. Дождусь вечера, а там попробую сбежать, если выведут наверх. Уж только появился бы хоть малейший шанс! Я его не упущу.

Вернувшись в камеру, где нас держали, увидела, что девочкам раздали горячий чай. Как же я была рада этому напитку!

«Сколько дней или часов прошло с момента моего заключения?» Ничего не помню! Такого же просто не может быть! Нас явно чем-то пичкали все это время, поддерживая в бессознательном состоянии.

Сев на свое место, взяла чашку с ароматным напитком. Чай и правда был неплох. Но сразу, с первого глотка почувствовала, что в чай добавили водку. Я не пью спиртное. Совсем не пью, поэтому вынуждена была ее просто отодвинуть. Может, кому из девочек моя порция напитка будет нужнее...

Снова услышав глухие, приближающиеся к двери шаги в коридоре, мы как по команде замерли. Дверь снова открылась, впуская Щербатого, несшего охапку каких-то тряпок. Бросив ее на пол, у входа, он, отряхнул руки:

– Шевелитесь, к вечеру вы должны привести себя в мало-мальски приличный вид. Вот, одевайтесь, – ногой пнул в нашу сторону принесенные вещи.

Я поморщилась от его слов, что было им сразу замечено. Подойдя прямо ко мне, он, еще раз взяв меня за шкуру, резко дернул к себе вверх, заставив подняться практически на цыпочки. Я попыталась отвернуться, но он, схватив мое лицо за подбородок, грубо поднял его ближе, больно впиваясь в него пальцами.

– Что так?! Морду воротишь? Давай, пошла, одевайся. Побыстрее!

Он толкнул меня в плечо, развернулся и уже выходя из комнаты, кинул мне в руки какую-то тряпку, из принесенной им ранее, кучи одежды на полу.

Я, как и все, принялась быстро натягивать на себя принесенные вещи. Хуже выглядеть я уже не могла. Скатанные, не расчесанные волосы я собрала пучком на затылке, как посоветовали мне девочки. Чтобы не выглядеть белой, то есть рыжей вороной среди стаи таких блондинистых красавиц. Тряпка – а это и одеждой-то назвать нельзя – висела на мне мешком. Какая-то мизерная вещь. Жуткие дешевые блески, такая короткая, что выставляла на обозрение мои тощие, израненные колени, «комбинашка». На туфли и вовсе не разорились.

Разглядывая девчонок, я понимала, что выгляжу в разы хуже, но не хотела ничего менять, прихорашиваться. Чем незаметнее я буду, тем больше шансов на такой желанный сейчас побег. Присев на свое место у стены, я закрыла глаза в ожидании дальнейших действий от наших тюремщиков. Минуты, по ощущениям, перерастали в часы изводя меня дальнейшей неизвестностью.

Глава 2

Через неопределенное время за нами пришли и сразу повели наверх. Я вся сосредоточилась, рассматривая, куда и как нас ведут, всячески пытаюсь запомнить дорогу: крутая лестница, затем два пролета вверх и резкий поворот прямо в зал. Может быть, это еще пригодится мне при возможном побеге. Никаких дополнительных примыкающих коридоров или открытых дверей мной замечено не было.

Нас втокнули в зал, и я, в буквальном смысле, ослепла от яркого искрящегося света, бьющего, казалось бы, отовсюду. Лучи сновали туда-сюда по фигурам, разглядеть которые было проблематично. Судя по гулу голосов, даже сквозь орущую музыку клуба – зал был полон. Постепенно я начала различать фигуры, в основном преобладали мужчины. Девушки то тут, то там подавали напитки в вип-зоны и на многочисленные столики. В центре зала, на сцене танцевали девушки, ухоженные, красивые. Я мысленно сравнила нашу убогую компанию, выведенную из подвала и их ухоженную стайку птичек, порхающих то там, то здесь. Улыбка сама собой тронула мои губы:

«Боже! Зачем мы здесь?»

Наши сопровождающие начали подталкивать нас к центральной вип-ложе. Там, на черных кожаных диванах сидела компания мужчин. Явно навеселе.

– Сергей, – обратился Щербатый к мужчине, который сидел в центре. – Вот, товар новый привезли, глянь. Если не подойдет, то одну-две всегда можно заменить на кого-нибудь более подходящего из твоих запасов, перед началом.

Я обратила внимание на этого Сергея. Не заметить его было бы сложно. Наши взгляды встретились, и я еле удержалась, чтобы не расплавиться под силой его стальных серых глаз, глядевших на всех нас с пренебрежительным прищуром. Тут же отвела взгляд – не выдержала. Он встал и, сделав несколько шагов вперед, приблизился к нам. У меня от страха аж колени начали подгибаться. Девочки, как и я, дрожали от страха и глядели в пол, стараясь стать более незаметными.

– Как-то в этот раз совсем плохо! Эти трое, еще ничего, – указал он на трех первых стоящих передо мной девушек. – Эта рыжая совсем не подходит. Ну и последняя какая-то вся тощая, высоковата... Где вы их вообще берете?! На помойке? Или так долго везете и содержите ужасно, что ко мне товар вот в таком убогом виде доезжает?

– Да ты что?! – прохрипел Щербатый. – Нормальные условия. Едят, пьют. Никто и пальцем к ним не прикасается!

– Еще бы вы прикоснулись! – ответил на его слова Сергей и улыбнулся – Пальцы буду ломать по одному, потом руки, чтобы неповадно было товар портить.

Сегодня особый гость – ему нужно что-то приглядеть из нового мяса. Хочу ему угодить...

– А что, сам Зверь приедет? – спросил кто-то из сидящих на диване мужчин.

– Ну да, сам обещался. У нас с ним незаконченное дело по Чеченам. Хотим дорешать. А заодно и развлечется.

– Давно его не было видно! Сидел? – уточнил еще один из компании.

– Неет, – протянул Сергей кому-то из своих, – такие, как он, не садятся, а решают за себя все вопросы на берегу. Дураки только сидят да дебилы, кто бездумно да нагло работает. – Развернувшись снова к Щербатому, – Девоч этих в сторонке попридержи, пока суть да дело. А там, все как обычно – на сцену.

Меня аж передернуло!

– Мы же не товар, не скот, – тихо пробормотала я, глядя в пол. – Отпусти, прошу.

Услышал, подошел еще ближе и просто рассмеялся. Так громко, нагло – прямо в лицо.

– Ну ты то, страшненькая, не бойся. Тебя-то вряд ли кто-то пожелает. Если только найдется любитель.

– А ты гриву ее распусти, – слышался хохот с диванов, – да отмой. Может и будет толк с этой девки. Хоть полтора рубля да дадут. Смотри, как зенки пялит. Того и гляди испепелит взглядом! Не ставь на ней крест, может еще и я возьму.

– Посмотрим, – тихо ответил Сергей, которого услышала только я и стоящий рядом Щербатый. – На любой товар найдется купец.

Отошел. А нас развернули и начали подталкивать к сцене, посадив прямо на пол.

– Сидите тут, не дергайтесь. Смысла нет. Кругом охраны куча. Выйти из клуба не дадут, а ноги попереломают, чтобы сбежать неповадно было, – сказал Щербатый. – А ты бы, Рыжуля, вообще помалкивала и цену себе не набивала, –

сказал мне и присел здесь же, рядом с баром.

Почему я здесь? Может, если прикрыть глаза, хоть на минутку, все исчезнет?! Но нет, закрываю и открываю вновь, а картина не меняется. Трудно осознать, что все это не дурной сон...

Я не плакала, слезы стекали где-то внутри меня, солеными ручьями омывая мое хаотично бьющееся сердце...

По залу пробежал гул голосов и я, как и многие другие, повернула голову, ища причину перешептываний. В зал с центрального входа широкими размашистыми шагами вошел молодой высокий мужчина. Зашли несколько, но он явно выделялся из толпы и своего окружения. Несмотря на то, что я совсем не видела его лица, мне совершенно не понравился этот мужчина. Было в этом человеке что-то жестокое, отталкивающее.

Он остановился, внимательно осмотрелся и направился напрямик к свободной вип-ложе, которая находилась рядом с той, к которой подвели и нас. Как я поняла, судя по услышанному ранее разговору, это и есть долгожданный гость – Зверь. Странное прозвище очень пугало. Это же надо так называть человека! За какие такие заслуги? Сразу закрадывалась мысль, которая начала изводить меня, не давая покоя. Девочки рядом начали перешептываться и обсуждать его. Красивый. Да, наверное. Они-то уже мысленно распределили увиденных мужчин на касты и пытались понравиться каждому, хоть издалека. А я сидела и думала лишь об одном: ни к кому не хочу. Ни здесь оставаться – в борделе, где буду обслуживать часовых клиентов, – ни к этим всем не хотела идти! Да и почему я должна кому-то принадлежать?! Я не товар, не вещь! Я лучше сдохну, чем позволю таким, как они, к себе прикоснуться.

Мысленно я уже выбирала себе смерть. Я очень боюсь боли. Боли и крови, поэтому нож – не вариант. Можно было бы незаметно, пока нас будут выводить на сцену, схватить что-то острое с соседнего столика. Может, если не для себя, то это послужит хоть какой-то защитой?! Так спрятать негде. На мне, кроме напавшей ранее тряпки, ничего нет.

Начала разглядывать вновь пришедшего Зверя. Как я поняла из тех же разговоров, он не простой гость. Важный для хозяина этого заведения. Может быть, он поможет мне отсюда выйти?! Ну если я по-честному расскажу, что я

попала сюда абсолютно случайно! Надежды на чудо рухнули, когда я увидела, как к нему подошел Сергей. Пожали руки, и Сергей жестом показал официантке, что стояла рядом, чтобы подошла и Щербатому, пора начинать.

Нас вытолкали на сцену. Мужчины в зале заулюлюкали и громко засвистели. Отовсюду посыпались пошлые шуточки и реплики. Противно. Противно до тошноты. Я чувствовала себя как на арене цирка; голая, подсвеченная светом ламп, когда ты стоишь и никого не видишь от света софитов, бьющих по глазам. Слышен только звук аплодисментов и голоса зрителей: шум, который постепенно, как ком нарастает в гул. Страшный гул из голосов прямо в голове! Я закрыла уши руками, но сразу же получила хлесткий удар прямо по пальцам.

– Отпусти руки, сказал, – крикнул мне на ухо Щербатый. – Не привлекай внимания. Может, достанешься мне за бесценок.

Я стояла и пыталась разглядеть улюлюкающую публику. Как проходит этот аукцион? Неужели как в кино, с табличками и выкриками сумм, как в Сотбис. Или нас заставят раздеваться и каждому присвоят свой лот?! Но нет... Ничего не происходило, и казалось, что мы так и будем стоять здесь вечно. Только шум голосов нарастал и официантки бегали между столами, собирая маленькие записки. Наверное, со ставками, – решила я.

– Всё! Сошли вниз! – прикрикнул на нас Щербатый.

И это всё?! Не прошло и двадцати минут, а я думала, что это будет долго... Но нет, нас стали разбирать мужчины и отводить к новым хозяевам. Первых трех забрали сразу, а мы с подругой по несчастью так и стояли, прижавшись друг к другу.

– Как ты думаешь, – шепнула мне она на ухо, – кто меня купил? Я бы очень хотела, чтобы кто-нибудь повлиятельнее. Лучше бы тот Зверь-красавчик.

– Как ты можешь думать о таком сейчас! – зашипела я ей.

– Нужно учиться разбираться в сложившейся ситуации, и уж если мне суждено попасть в постель и стать секс-игрушкой, то я бы выбрала такого, как он.

– Какого, такого... – договорить ей я не успела, потому как ее сильно дернули за руку в сторону вип-ложи Сергея.

Как видно, забрал кто-то из его знакомых...

– Конечно, – глядя ей в след, думала я. – Ноги от ушей, точеная фигурка, грудь третьего размера!

Сергей сделал подзывающий знак рукой.

– Пошла, быстро, – усмехнулся Щербатый и толкнул меня в спину.

– Только не туда, – молила я. – Прошу, но ведь не может же мне так катастрофически не везти!

Идя между близко стоящими столиками, я незаметно все-таки смогла ухватить руками нож для стейков, лежащий на краю, рядом с тарелкой. Темнота и скользящие лучи в клубе лишь сыграли мне на руку. Я крепко зажала его в кулаке, держа прямо за лезвие ручкой кверху – поэтому его не было заметно с внутренней стороны руки – и прижала руку к складкам платья. Благо оно на мне болталось, как безразмерный мешок. Нож придал мне уверенности. Я ни за что не расстанусь с ним! Либо убью себя на глазах у всех этих недолюдей, либо найду какой-нибудь выход. Я же хотела попросить его меня отпустить! Может это мой шанс!

Подошла. Глаза в пол. А потом подняла взгляд прямо на него и задохнулась. Нет, не от красоты, как в романах и как вы могли подумать, а от страха. Стояла, дрожала и вдохнуть боялась!

«А вдруг, меня ему отдадут. Вдруг, это он купил!»

– Вот сижу до сих пор и думаю, кому эта «красота» достанется, – протянул Сергей, явно шутя. – И выбросить жалко, и самому не нужна. Видно же, что проститутка из нее ну никакая! – вздохнул.

– Может, я тебе ее отдам, а, Александр?

– На х... она мне нужна?! У меня баб и так хватает, – сказал, как отрезал тихим баритоном Зверь. – Я приехал к тебе о деле поговорить, мы с тобой, Серёж, все решили. Хотите с бля...ями забавляться, так это без меня. Ты же знаешь, я в девках не нуждаюсь.

Стою, зуб на зуб не попадает. Может, отпустит?!

– Забери себе, может, завтра кому продашь, – продолжал Зверь, даже не посмотрев на меня!

– Саш, от подарков не отказываются.

– Понимаешь, Серёж, не нужна она мне, даже даром.

– Ну так если не нужна, – заголосила я, – отпустите меня пожалуйста! Ведь я сюда случайно! – аж захлёбываться начала.

Слезы потекли градом! Ведь обидно до боли! Ведь действительно случайно! Не слушают, даже внимания не обращают!

Я еще сильнее сжала в руках нож и поняла – это конец. Либо я сейчас выйду отсюда одна, свободной, либо останусь тут. Замертво. По пальцам побежала кровь, горячая, липкая, тихонько капая на пол. А я сжимала кулак все крепче, как мою последнюю спасительную надежду. Резкий бросок, и я прыгнув, приставила нож к шее Зверя. Все замерли. Секунда, и я от хлесткого удара лечу напротив, ударяясь о стенку вип-зоны. Падаю с дивана прямо на пол и зажимаю рот ладонью. Больно! Жутко больно...

Ко мне подбегают рядом стоящие охранники и начинают пинать. Я сразу свернулась в позу эмбриона, ожидая дальнейших ударов. Это все, конец. Меня сейчас забьют до смерти...

– Хватит, – тихий голос, как удар хлыста, буквально отразился от стен. – Хватит с нее. Серёж, забери эту бл...дь. Не нужны мне такие сюрпризы.

Резко встал, отряхнул, казалось бы, пылинки, которых и не было, с плеча, и вышел из випа.

– Назад ее, – расстроенно вздохнул Сергей. – Не трогать, не бить. Я решу сам, что с ней. Позже.

Очнулась я уже в камере. Не той, где нас держали, но очень похожей, меньшей. Ребра ужасно ныли от пинков охранников, губы разбиты хлестким ударом. Свернулась на полу калачиком и заплакала. Ревела от безвыходности, безысходности. Порезанная кисть болела ужасно. Оторвала кусок подола и, как могла, замотала порез грязной тряпкой. Время тянулось невыносимо медленно, я хотела есть, пить, спать, помыться наконец. Мне было так страшно лежать здесь в темноте на ледяном полу и ждать... А ждать, в общем-то чего?!

«Смерти...»

Дверь открылась с тихим скрипом, и под потолком зажглась одинокая лампочка, скудно освещающая помещение. Я вся сжалась в комок.

«Кто еще?»

– Ну привет, Рыжуля, ждала? – прохрипел Щербатый, заходя в помещение и прикрывая за собой дверь.

Я заметила, как он поставил какое-то ведро у входа.

Подойдя ко мне ближе, протянул руку к моему лицу, пальцами прикасаясь к моей щеке. Я лишь плотнее стиснула зубы, чтобы не заплакать, не начать его умолять не трогать меня... Я пыталась сбросить его руку, каждая секунда нашего соприкосновения отбирала у меня силы. Я ощущала себя еще более грязной, после его легкого касания. Четко понимая, что ничто не сможет спасти меня от его грязных лап, я вздернула подбородок вверх, упрямо посмотрев на него.

– Шеф запретил к тебе прикасаться, но попросил позаботиться, накормить и вымыть. Я решил сделать тебе подарок, поэтому мыть тебя буду я, упрямая моя...

С этими словами он опустился передо мной и, намочив мочалку в принесенном ведре, набрал в нее побольше воды. Я хотела сказать что-то в знак протеста и

своей защиты, но не успела. На мою щеку опустился удар, а затем новый удар. Грубая мужская ладонь давала мне пощечину за пощечиной.

Щербатый не мог остановиться, упиваясь картиной того, как моя голова раскачивается из стороны в сторону, а разум не имеет возможности прийти в себя.

– Держи, потаскушка. Я сейчас тебя хорошенько помою. Упрямая... Что ты возомнила о себе, кривясь от моих прикосновений?! – Из кармана он достал наручники и сцепил мои руки за спиной, в то время как я отходила от его сильных ударов.

– Ты еще пожалеешь об этом! – тихо застонала я. – Если еще хоть пальцем меня тронешь... Я Сергею расскажу! Я ведь слышала, что он приказал тебе!

– Приказал?! Да что ты можешь сделать, бл...дь? – выругался он, с силой раздвигая мои ноги. – Я еще и язык тебе отрежу, чтобы молчала!

Я начала вырываться и орать. Всячески пыталась сбросить с себя его тяжелое, грузное тело.

– Отпусти!!! Клянусь, что убью тебя, если тронешь! – хрипела я из последних сил.

Он сдернул с меня последнюю тряпку, и я осталась перед ним абсолютно голой.

А потом начал делать это – водить мочалкой и руками по всему моему телу. Я возвела глаза к потолку и думала только о том, что лучше бы умерла, чем находилась здесь. Хотелось отстраниться от касаний Щербатого, который ослушался чьего-то приказа, приставая ко мне. Он тщетно пытался проникнуть в меня пальцами, но я не отпускала свое тело ни на секунду: каждая частичка меня была натянута, словно железная, туго скрученная пружина.

– Только не говори мне, что ты девственница, – проворчал он, переходя к моей груди. Я молча вздернула подбородок, полностью игнорируя его слова и движения. Я держалась. Нужно держаться – пожалуй себя еще успею. Потом, когда останусь одна...

– Ну же... Красавица моя... Успокойся... Иди ко мне. – Его губы приблизились к моим, и тут я уже по-настоящему испугалась. Его щербатый рот, неприятный запах пота, неаккуратная щетина, описывающая линию подбородка, вызывали во мне все оттенки отвращения и неприязни.

– Убирайся! Вон! – истошно закричала я, снова начиная брыкаться, пытаюсь скинуть его с себя. И вот, в тот момент, когда его губы максимально приблизились и замерли в паре сантиметров от моих, меня спасло настоящее чудо!

Глава 3

Я уже ничего не соображала, судорожно барахтаясь под ним и пытаюсь скинуть его с себя, когда услышала оглушающий выстрел. Его тело на мне в мгновение обмякло, и меня начало заливать густой, теплой субстанцией...

«Кровь!»

От пережитого шока я была уже в полубессознательном состоянии, когда с меня его резко сдернули и откинули в сторону. Я продолжала лежать на спине, крепко зажмурившись, и жутко боялась открыть глаза.

«Убили! При мне убили человека!» пульсировала в мозгу единственная, лихорадочная мысль.

«Вот так запросто взяли и убили! И сейчас настанет моя очередь... Вот прямо сейчас обязательно будет второй выстрел, и эта пуля будет предназначена для меня. Все вмиг закончится. Не будет больше этого нескончаемого кошмара...» – я не могла остановиться и накручивала себя снова и снова...

«Но я не хочу умирать! Только не сейчас, не сегодня!»

Казалось, что прошла целая вечность, но секунды шли, а тишину не нарушало ничего, кроме моего дыхания, воздух вырывался из легких совсем по чуть-чуть, с тихим хрипом и в такт бешеному сердцебиению в ушах. Я открыла глаза и

встретилась взглядом с ним... со Зверем.

Он стоял, чуть расставив ноги, и молча смотрел, склонив голову, на меня – голую, окровавленную – своими серо-голубыми глазами цвета неба. Жестокость, бешенная ярость в его глазах меня до дрожи пугала. Жуткие глаза, дикие, как у зверя, который только что загнал свою жертву и теперь предвкушает дальнейшую яростную расправу над ней. Как же страшно! В его руке и сейчас зажат пистолет, палец так и завис на спусковом крючке. Я не могла отвести от него взгляда. А он продолжал смотреть в ответ, обжигая меня холодом своих глаз.

Еще секунда, и в открытые двери забежали два охранника и Сергей. Зверь нехотя, отвел от меня взгляд. Я вдохнула полной грудью. Казалось, до этого и не дышала вовсе.

– Что тут? – спокойно спросил Сергей. Как будто не было ни выстрела, ни мертвого тела рядом. Вот так. Спокойно. Как будто все здесь происходящее – в порядке вещей!

– Не люблю, когда трогают мои вещи, – улыбнулся ему Зверь.

– Бля...ь, я же сказал ему, чтобы не трогал ее! Зная тебя, да чтобы ты свое не забрал...

– Дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят... Вот, решил вернуться, – засмеялся он.

Убили человека! Только и могла думать я. А эти стоят и смеются! Нелюди. Пусть лучше сейчас убьет и меня, чем к нему... с ним...

Зверь, повернувшись ко мне и сняв с себя пиджак, швырнул его мне, прямо на пол.

– Прикройся, – отрезал он мне. – Заберите ее, – отдал приказ охране.

В тишине зазвонил его мобильный и он, перестав обращать на меня внимание, ответил на звонок.

– Зверев, – кивнул Сергею и вышел.

Я не могла и пошевелиться. В полубессознательном состоянии почувствовала, как отстегивая наручники, меня заворачивают в его вещь, брошенную мне, и поднимают на руки.

От пережитого потеряла сознание.

Я полностью пришла в себя и теперь, чуть приоткрыв глаза, украдкой осматривалась. Ноги и руки начали потихоньку отходить и покалывать. Тепло. Как же давно мне не было так тепло! Я поплотнее запахнулась и вдохнула запах его пиджака. Мягкий обволакивающий сандал, вещь пахла своим хозяином. Мы были в машине. Двое мужчин, это, как я поняла, охрана – ехали впереди. Я и Зверь – на заднем сиденье.

Он пролистывал информацию в своем планшетнике и не обращал на меня никакого внимания. Куда мы едем? В окне мелькал ночной город, мы ехали на приличной скорости. Я сидела полулёжа и боялась пошевелиться, не хотела оставлять следы на светлых сиденьях и привлекать к себе хоть какое-то внимание. Я же вся грязная, в крови! А меня так просто посадили в дорогой бежевый салон! В салоне пахло кожей, пряной корицей и тихим фоном играла классическая музыка – Вивальди «Времена года».

Я незаметно начала приглядываться к своему новому хозяину. Начищенные до блеска черные туфли, обтягивающие мускулистые ноги, черные брюки из явно дорогой шерсти. Того же цвета рубашка. Ярким пятном выделялись лишь платиновые запонки. Лучи света, от мимо проносящихся фонарей, попадали на камни, и они играли всеми своими гранями, красиво бликуя.

– Ну как, нравлюсь? – он отложил свой гаджет в сторону и повернулся ко мне. – Рассмотрела?

– Не очень нравитесь, – честно призналась я. – Как я могу к вам обращаться?

– Ко мне не нужно обращаться. Совсем. Когда ты мне будешь нужна, я сам обращусь к тебе или позову, или прикажу. Я не люблю, когда вещи начинают мне мешать. Молчи, не привлекай к себе внимания – дольше проживешь, – ответил он и снова взялся за свой планшетник.

Казалось, что он и не разговаривал со мной вовсе!

– Не отпустите? – тихо, с надеждой, спросила я.

Ответа больше не последовало, только чуть нахмурил брови.

Я хотела ему еще много чего сказать, спросить... а потом, просто закрыв рот, отвернулась к окну и продолжила следить за убегающими фонарями...

О чем говорить дальше, когда я уже получила от него четкие указания?! Молить его? Так я умоляла раньше там, в зале на аукционе... Не понял. А если и понял, то не счел нужным заострять на этом свое внимание. «Не люблю, когда вещи начинают мне мешать», – вот кто я для него – вещь! Но вещь неправильная, умеющая думать, чувствовать... со своими эмоциями и желаниями... ненужная...

Момент, и машина начала сбавлять ход, заезжая на какую-то подземную парковку. Здание я разглядеть не успела. Наверное, жилое, – подумала я, потому как здесь находилось большое количество разных автомобилей. Дорогие. Различных марок. Я, особо не разбирающаяся в них, понимала, что все автомобили класса люкс. Остановились. Он, снова отложив свой гаджет, обратился к одному из охранников.

– Олег, ее определи к Захаровне на кухню помогать. Посели где-нибудь там же, с обслугой. Да, и чтобы на глаза поменьше попадалась. И еще, пусть пришлют к ней врача. Того и гляди всех заразит чем-нибудь!

– Понял, – отсалютовал ему Олег.

Вот так моя судьба уложилась в два предложения, сказанные монстром.

Он вышел, хлопнув дверью машины, и направился к лифтам.

– Выходи, – обратился ко мне Олег. – Давай, поживее!

Я, как могла, стянув концы пиджака, открыла дверь и ступила на холодный пол подземного гаража. Как была, босая. Пиджак был явно мне велик и закрывал почти все тело, до самых колен. Это уже хорошо. Хоть не голой пойду!

– Ты на смерть похожа! Вся в крови... тебя бы вымыть срочно, – улыбнулся мне Олег. – Сбегать и не думай. Квартира отлично охраняется. Да и шеф найдет в любом случае, а потом жестоко накажет. Тебе это явно не понравится, поэтому проще тебе приспособиться к ситуации и пробовать выжить. А там, глядишь, приживешься.

– Спасибо, – тихо ответила я.

Дальше беседа не продолжилась. Меня взял под локоть второй охранник, и мы втроем двинулись все к тем же лифтам. Двери со звоном открылись, и я увидела себя в зеркало лифта.

«Боже! Кто это?! Это же не я!»

Кроме глаз ничего не было видно. Все было заляпано кровью убитого Щербатого. Волосы растрепались из скрученного ранее пучка и грязными, почти черными, запекшимися сосульками свисали до лопаток, то тут, то там пачкая надетую на меня Его чистую, безупречно отглаженную вещь. Разбитые коленки, тощие, синюшные грязные ноги...

«Красавица» чуть заметно улыбнулась я своему отражению. Глядя на меня в зеркало, мне в ответ чуть улыбнулся Олег.

– Что-то шеф сегодня явно не в духе, лютует, – пробасил тот, второй, который держал меня за локоть.

– А мне кажется, обычный. Все, как всегда. Чуть развлекся с пехотой там, в клубе, – ответил ему Олег.

«Это он развлекается так?! Человека убил!» – орало все во мне. Я смотрела на электронную панель лифта, которая отщелкивала уже проехавшие этажи. Мы

летели вверх на бешеной скорости. Пентхаус.

Вот он – звонок лифта и двери расходятся в стороны.

Глава 4

Сидя здесь, в клубе у Серого, я до сих пор не мог понять, зачем я сюда приехал. Ведь можно же было встретиться у него, у меня, в кофейне, в конце концов... а тут шум, гам, лишние глаза и уши крутятся. Сколько народу собралось...

Я знал, что раз-два в месяц Серый проводит у себя аукционы, на которых продает девок, так сказать, «на мясо». Где они их брали, я никогда не задумывался, да и мне это было абсолютно не интересно, потому как у каждого свой заработок. Лично я этих бя...й никогда не покупал. Да и зачем?! Мне и без них баб, на все готовых, всегда хватало.

Вечер тянулся невыносимо медленно. Мы все уже обсудили с Сергеем по теме, но он, жестикулируя, что-то мне рассказывал до сих пор, а я уже не слушал, задумался... глядя на сцену.

«Вроде, красивые», – про себя подумал я.

«Надо бы сказать Олегу, чтобы привез сегодня вечером кого-нибудь из моих бывших-настоящих.»

– Ты меня совсем не слушаешь, Саш? – громко прервал ход моих мыслей Сергей. – Засмотрелся на товар?

– Нет, устал что-то сегодня. Не хотел приезжать. Ты же знаешь, я эти шумные сборища не очень люблю, – ответил я ему. – Извини, о чем ты говорил?

Он, проследив за моим взглядом на сцену, махнул кому-то рукой и к нам начал приближаться его человек с одной из продаваемых. Тот подталкивал девушку в спину, девчонка шла, не разбирая дороги, даже не глядя на нас. Остановились рядом с нашим диваном, и я смог ее разглядеть получше...

Худая, ноги все ободранные. Жметесь вся, сутулится, трясется. Платье это несурзное! Так и хотелось сказать Серому, что нужно бы продавать товар лучшего качества. Издалека все они выглядели еще ничего, а вот вблизи... жуткое содержание... Фигуру из-за мешковатого платья совсем не было видно. Тонкая шейка, личико сердечком. Глазки серые. Ничего примечательного. Цвет волос тоже не разобрать в темноте клуба. Обычная... Испуганная... Молодая...

– Вот, сижу до сих пор и думаю, кому эта «красота» достанется, – протянул Сергей, явно шутя. – И выбросить жалко, и самому не нужна. Видно же, что проститутка из нее ну никакая! – вздохнул он. – Может, я тебе ее подарю, а, Александр?

– На х... она мне нужна?! – оборвал его я. – В таких не нуждаюсь. Я сегодня приехал к тебе лишь для того, чтобы о деле поговорить, и мы с тобой, Серёж, все решили. Хотите с товаром забавляться, так это без меня. Ты же знаешь, я в девках недостатка не имею. Забери ее себе, может, завтра кому продашь.

– Саш, от подарков не отказываются, – настаивал друг.

– Понимаешь, Серёж, не нужна она мне, даже даром... – начал я, но тут меня перебил звонкий голосок...

– Ну так если не нужна, – закричала она, – отпустите меня пожалуйста! Ведь я сюда случайно!

Взбесила прямо! Меня на полуслове оборвала. Монстр внутри меня проснулся и тихонько, подняв свою голову, прислушивался. Я хотел ей ответить, но тут она сделала резкий бросок в мою сторону, прыгнув прямо на диван, и приставила мне нож к горлу.

Не ожидал... от нее... Сюрприз от сюрприза! А вечер перестает быть скучным...

Резким, отработанным до автоматизма движением, выбил у нее нож, но немного не рассчитал удар и она, вместе с ножом, отлетела прямо к задней вип-стенке метра на два. Упала на противоположный диван, с которого тут же скатилась на пол. Упала и свернулась, сжалась вся... нож отлетел в сторону.

Охрана клуба быстро среагировала, напав на лежащую, пиная не церемонясь, ногами. А та даже не шелохнулась. Не кричала, не стонала, никакой истерики или реакции на избиение... Странная.

– Хватит, – тихо сказал я. – Хватит с нее. Серёж, заberi эту бл...дь. Не нужны мне такие сюрпризы.

Махнул Олегу рукой, и мы с вышли из кабинки-випа.

– Куда едем, шеф? – спросил Олег, подстраиваясь и шагая рядом.

Но я уже ничего не слышал от шума в ушах! Кровь бешеными толчками бежала по венам, пульс стучал набатом уже громче музыки клуба.

«Как посмела, дрянь?! Девка грязная!»

Сели в машину. Олег, не получив указания, так и не спешил трогаться с места. А я все сидел и молчал. Поднял руку, пальцами провел прямо по шее, где недавно она касалась ее ножом. Поднес их к глазам, посмотрел – ничего...

«Даже не ранила. Дура... Что меня здесь удерживает? Ехать нужно».

Но вместо приказа Олегу уезжать, резко дернул ручку и вышел из машины. Монстр внутри меня ликовал.

«Вернусь. Убью ее!» – пульсировала единственная мысль, прямо у меня в крови, лишь разгоняя и раззадоривая меня все больше и больше. Внутренний зверь, так долго сидевший на поводке, сорвался с места и заскреб когтями. Я уже не шел по коридорам клуба – летел! Ярость гнала меня. К ней. Пелена жестокости и злости застилала глаза.

Я отлично знал расположение комнат в клубе, не раз спускался в его подвалы, когда приходилось жестко решать вопросы с конкурентами. Знал, где Сергей держит товар.

– Где она? – спросил, пролетая мимо, дежурившего на входе в подвал охранника.

– Четвертая комната справа, у нее там как раз... – зачастил он.

– Найду, – бросил я ему.

Раз. Два. Три. Вот и она, такая желанная сейчас дверь. Чуть приоткрыл и увидел какую-то возню на полу. Мужик какой-то на бабе. А вот на ком, даже и не видно! Елозит по ней, шаря руками, пыхтит, что-то шепчет... Она стонет тихонько, хрипит, видно, от боли и отвращения. Сколько раз я все это видел! Уже не задевает...

«Не интересно. Не она» – подумал я и уже начал прикрывать двери, когда услышал ее крик. Запомнил ведь голос! Отпечатался в памяти раскаленным тавро... Зверь внутри меня аж взвыл от ярости!

«Кто посмел?! Моё! Только я могу ее!»

Секунда. На автомате из-за пояса выхватываю свой ТТ, который всегда ношу с собой, резким движением оттягиваю его голову и стреляю в висок, чтобы только ее не задело. Все. Шум в ушах так и стоит. Оттолкнул эту падаль в сторону ногой.

Смотрю на нее, волосы растрепались, в крови вся, ничего не видно, только глаза эти дикие, которые на меня смотрят не отрываясь. Серые омуты глаз, как водоворот, затягивают. Не могу оторваться. Убить же ее хотел! Сам хотел! А тут... Глядит, не моргая, от страха не дышит совсем.

Фуу... – выдохнул я. Монстр внутри меня получил свою порцию крови и довольный полез назад...

«Не тронет. Пока...»

Шел до машины назад по бесконечным коридорам, и мысли были только о ней. О всем произошедшем. Девчонка с серыми глазами смогла разбудить моего внутреннего зверя, который сейчас бесновался. И чтобы успокоить его совсем, одной жертвы оказалось мало. Странно, невероятно, что я так на нее среагировал. Нет, не так, я-то как раз нет! Среагировал Он – мой внутренний монстр.

Сел в машину и каждую секунду только и делал, что смотрел на часы, думая о ней.

«Где они? Бл...ь! Почему задержались?»

Но тут показался Олег, неся мой «сверток» на руках. Осторожно положил ее в салон и сел за руль.

– Домой, – приказал я.

Сам повернулся к ней. Без сознания... Волосы разметались по коже сиденья в салоне, оставляя за собой кровавые следы. Белая прозрачная кожа на щеке, не тронутая грязью и брызгами крови. Дышит ровно, спокойно. Ресницы пышным веером прикрывают глаза. Губы у нее красивые, полные, которые сейчас, в расслабленном состоянии, можно отлично рассмотреть, не тогда, когда они поджаты от страха, который я и мой зверь в ней вызываем. Ничего необычного. Но мой внутренний монстр уже протягивает к ней руки, хочет провести своими острыми когтями по нетронутой кровью щеке, потрогать ее, вдохнуть ее запах. Ему она очень нравится. Но не мне... Я повинуюсь ему и протягиваю руку к ее лицу... и тут же одергиваю себя... она зашевелилась, и я, взяв планшетник, отвернулся.

Кожей чувствую ее взгляд. Обжигает. Листаю почту, а сам ничего не вижу, перед глазами лишь буквы расплываются. Не удержался, повернулся к ней, следя за ее реакцией.

– Ну как, нравлюсь? – спросил я, откладывая в сторону планшетник. – Рассмотрела?

– Не очень нравитесь, – тихо ответила она. – Как я могу к вам обращаться?

Бесит! Как же она меня бесит! Вот так, одним предложением снова вывела меня из себя!

– Ко мне не нужно обращаться. Совсем. Когда ты мне будешь нужна, я сам обращусь к тебе или позову, или прикажу. Я не люблю, когда вещи начинают мне мешать. Молчи, не привлекай к себе внимания – дольше проживешь.

Чтобы успокоиться, вновь отвернулся от нее. Главное сейчас быть подальше друг от друга. В противном случае, она может пострадать.

– Не отпустите?

Нахмурился. Раздражает. Заехав в гараж, быстро дал указания Олегу и вышел, хлопнув дверью машины. Если она будет не на глазах, то наваждение совершенно точно исчезнет.

Глава 5

Двери лифта со звоном расходятся в стороны, и уже через секунду мы попадаем в шикарное серо-голубое фойе, отделанное редким, голубым аргентинским мрамором, в углу которого стоит небольшой резной стол из Эбенового дерева, на котором красуется явно дорогая, антикварная фарфоровая статуэтка. Стены увешаны картинами различных стилей и форм. Олег открывает двойные двери, ведущие в гостиную, и серо-голубая тема квартиры продолжается по всей длине коридора до, вызывающей вздох восхищения, гостиной с двумя рядами высоких окон, расположенных один над другим. Огромная. Дальняя стена целиком панорамная, стеклянная, выходящая на большущий, открытый балкон-террасу.

Справа ярким пятном на сером фоне – бирюзовый диван. Перед ним – уже зажженный кем-то, ярко пылающий современный камин из нержавеющей стали. Справа, рядом с входом, большая кухонная зона, вся стальная, за исключением мраморных столешниц и довольно внушительной барной стойки.

Рядом с кухней, перед стеклянной стеной – обеденный стол, а в углу комнаты – большое черное кожаное кресло с накинутым на него вязаным пледом. Антиквариат присутствует везде и, в общем-то, квартира больше похожа на музей, чем на дом.

– Осмотрелась? Нам сюда, – обратился ко мне Олег и махнул в незаметный коридор, со стороны кухни.

– Вторая дверь от прохода, – открыл, пропуская меня вперед. – Эта комната пока твоя. Располагайся, – тихонько прикрыл за собой дверь. Щелчок. Я осталась одна.

Осмотрелась. Маленькая, очень аккуратная, светлая, в отличие от увиденной мной гостиной и холла. В углу небольшая односпальная кровать, застеленная белым бельем. Ковер. Небольшое окно, прикрытое светлыми портьерами. У противоположной стены стул. Дверь. Повернула ручку и заглянула внутрь – небольшая ванная комната, стеклянная душевая кабина и унитаз. На крючках висят белые чистейшие полотенца, которые так и просятся проверить руками их мягкость, сжать их.

Я, не задумываясь, захожу в ванную, стоя на носочках на теплом керамическом полу, чтобы не испачкать светлый кремовый коврик, снимаю с себя его пиджак. Аккуратно кладу его тут же, в углу, пока на пол, и захожу в душевую. Включаю воду...

Горячие струи начинают бить по моему лицу, смывая грязь, кровь, пот и дикую усталость последних дней. В душевой стоят бесчисленные баночки с шампунями и бальзамами, гелями для душа, но я выдавливаю на руку обычное жидкое мыло, стесняясь протянуть к ним руки.

Тру шею, плечи, руки, пытаюсь смыть с себя прикосновения, оставленные Щербатым. Воспоминания о произошедшем лавиной нахлынули на меня и по щекам, вместе с обжигающе горячей водой, побежали слезы. Все события каруселью завертелись в моей голове: похищение... камера-комната, где нас держали... аукцион... попытка изнасилования... убийство! При мне убили человека! Он убил! Но ведь, когда я лежала под этим насильником, единственная мысль моя была: убить его, за то, что он пытался со мной сделать. Почему же я сейчас обвиняю его убийцу?! Сползаю по стенке на пол и сжимаюсь тут же, под струями и паром. Как же я устала!

Просидев вот так минут двадцать, пока пальцы на руках не сморщились, выключила воду и, выйдя из душевой, завернулась в огромное белое полотенце. Втянула его запах... свежесть, тепло, солнце...

«Надо бы найти стиральную машинку и постирать Его пиджак», – мелькнула мысль.

«Позже... только не сейчас»

На носочках дошла до кровати и легла, утонув в мягкости матраса. Как была, прямо в полотенце, с мокрой головой.

«Сейчас... еще немного полежу и пойду...» – сон накрыл мягким покрывалом мой разум. Глаза закрылись...

Из сна меня вырвал тихий стук в дверь и щелчок поворота ручки. Я, еще не проснувшись, вскочила, села в кровати, прижав к себе одеяло. В дверях показалась женщина.

– Доброго утра, – приветливо начала она. – Меня зовут Мария Захаровна. Можно просто – баба Маша. Как ты себя чувствуешь, девочка?

– Я... не знаю... Рука немного болит.

Она подошла ко мне и, сев на кровать, протянула руку. Взяв мою кисть, повернула к себе ладонью вверх, рассматривая порез, оставленный ножом.

– Плохо дело. Воспалился порез. Но Саша уже приказал вызвать к тебе врача для осмотра, поэтому в течение часа эту проблему мы решим.

Голова кружилась от слабости и голода. В животе громко заурчало, и баба Маша тепло улыбнулась.

– Вставай, приготовим тебе что-нибудь поесть.

По-матерински потрогала мой лоб и, покачав головой, встала и вышла.

Я встала, замотавшись в полотенце, в котором спала, прошлепала до ванной.

Улыбнувшись своему отражению в зеркале, потянулась к зубной щетке. На голове – воронье гнездо! Вчерашние мокрые волосы сыграли со мной злую

шутку. Они беспорядочными рыжими кудрями, шапкой торчали в разные стороны на моей голове. Ни закрепить их, ни скрутить в пучок в таком состоянии не представлялось возможным. Подумаю об этом потом, решила я. Надеть, как оказалось, тоже было нечего. Вчерашний, мною брошенный на полу пиджак, исчез. Но на крючке рядом с полотенцами висел большой белый махровый халат. Я, скинув полотенце, надела его и вышла из комнаты.

Искать кухню долго не пришлось, я отлично запомнила дорогу. На огромной кухне хозяйничала баба Маша. Я тихонько подошла и, улыбнувшись ей, села рядом на ближайший стул за барной стойкой. Передо мной тут же возникла тарелка с дымящейся кашей.

– А где... – начала я.

– Мальчики уехали по работе рано утром, – перебила меня баба Маша.

«Мальчики! Она называет этого монстра – мальчиком?!»

Я взялась за ложку и зажмурилась от удовольствия, когда первая порция каши растеклась сладостью у меня на языке. Дальше ела уже не думая, быстро. Мысли были заняты только одним – побегом. Сейчас, когда «мальчики» уехали, у меня появился шанс! Глаза лихорадочно заблестели... мой шанс на побег. Я его не упущу!

– И не думай, – прервала мои мысли баба Маша. – Найдет. Накажет. Лучше оставь эти бредовые идеи. Саша сам отпустит тебя, дай ему время. Это все вообще на него не похоже. Он никогда до этого не привозил девочек с аукциона силком. Ему это не нужно. Тем более что ты его совсем не заинтересовала! Что ты боишься?! Поработаешь со мной месяц-другой, не попадаясь ему на глаза, и он забудет о тебе, а потом и вовсе домой отпустит, да еще и денег на дорогу даст. Ты сама-то откуда?

– Я из Новосибирска. А мы сейчас где? – не поняла я ее вопроса.

– В столице, девочка.

Ого! Ничего не помню! Как везли... Это же прошел не один день в дороге! У меня как провал в памяти... Чем нас пичкали? Явно какими-то транквилизаторами!

– Могу я связаться по телефону с родными? Они же меня ищут! Мама, наверное, уже с ума сошла от неизвестности.

– Мне по этому вопросу указаний не давали, поэтому, давай подождем Сашу. У него и спросишь. Хорошо? Телефон по квартире не ищи, они закодированы. Позвонить без его ведома никому и никуда не получится.

Да, план побега временно, дал сбой. Тут нужно все четко обдумать.

– И думать здесь нечего, – как будто читая мои мысли, начала опять баба Маша. – У него в этом городе все схвачено. И мышка мимо не пробежит. Вокзалы, аэропорты... Даже если найдешь денег на билет, не уедешь. А если и уедешь, то недалеко. До ближайшего поста ДПС и ссадят. А вот потом... даже подумать об этом страшно. Мой мальчик иногда может быть жестоким... Не зли его.

– А вы как здесь? Давно? – решила сменить тему я.

– Я-то? Уже лет десять у него на службе. Как заехал за мной в дом престарелых, забрал к себе, так и прижилась тут, работая. Порядочный он, мальчик мой.

Как она про него! С заботой, лаской! Видно сразу, что мне в побеге не союзник.

– Ты ешь давай, сейчас врач придет.

Домой «мальчики» так и не вернулись ни сегодня, ни завтра... Неделя моего пребывания здесь подходила к концу. Освоилась, помогая бабе Маше по хозяйству. На кухню она меня не пускала – это ее вотчина, а вот уборкой занялась я. Двухэтажный пентхаус был огромен, поэтому, когда я заканчивала с работой, уже был поздний вечер. В тот первый день, меня все-таки осмотрел врач, выписал лекарства, и я потихоньку начала приходить в себя. Мне привезли немного вещей, наверное, баба Маша кого-то попросила, дали униформу, в которой я и находилась все рабочее время.

Я уже начала привыкать, что вечерами, после всех домашних хлопот, мы с бабой Машей садились за барную стойку и пили чай на кухне. Этот ежевечерний ритуал меня успокаивал, придавал сил и уверенности.

За очередной чашкой чая я, подперев голову руками, посейчас слушала ее байки, сидя на барном стуле за стойкой. Как была весь день в уже привычной для меня серой униформе. Волосы распустила, и они свободными кудрями рассыпались по плечам и спине... Слушая очередной смешной рассказ в ее исполнении, я заливисто смеялась, пока не услышала звонкий сигнал лифта... двери разъехались в стороны, впуская в квартиру Его в компании уже привычной охраны...

Я, быстро спрыгнув со стула, побежала к себе в комнату. Лишь бы только не встречаться с ним! Уже в комнате, забежав и прислонившись к двери, я поняла, что второпях так и оставила свои рабочие и единственные балетки там, у стула, где сидела, поджав ноги.

«Ничего, вот все уснут, вернусь и тихонько заберу...»

Глава 6

Не знаю, сколько прошло времени, но проснулась я от порыва ветра, который ворвался в приоткрытое окно и сейчас забавлялся со шторой, играя ею. Наверное, на улице начинается первая гроза. В начале мая грозы – частые гости. Надо бы закрыть панорамное окно в гостиной, ведущее на террасу, которое с вечера я оставила открытым, иначе, завтра все будет в пыли. Да и балетки забрать, которые бросила на кухне...

Встала. Надела на себя единственное платье униформы и очень тихо, на носочках, прошла мимо комнаты бабы Маши, которая находилась по соседству с моей спальней и вышла на кухню. На улице уже совсем стемнело и, в тусклом свете приглушенных ламп над барной стойкой, я, нагнувшись, рукой нащупала свою обувь. Не утихающий ветер все сильнее трепал шторы в гостиной, и я направилась к окну, чтобы прикрыть его, когда меня остановил тихий голос из угла комнаты:

– Не трогай...

Я резко обернулась на голос и увидела, что в кресле, том самом, черном, стоящим в углу сидел Он – Зверь. Тусклый свет ламп чуть попадал на его ноги – все остальное было в тени, но мои глаза уже привыкли к темноте, и я смогла разглядеть сидящего напротив меня мужчину.

Он был полуодет. Без пиджака. Его рубашка была расстегнута до пояса. Галстук валялся все тут же, на полу у его ног. В руках у него был стакан, который был почти допит. Судя по янтарному цвету напитка – виски, предположила я.

– Подойди, – тихо приказал он мне.

Я посмотрела в сторону на коридор, из которого вышла, мысленно считая расстояние до двери своей комнаты.

«Что, если сейчас убежать и попытаться закрыться там?»

– Не советую сегодня меня злить, – коротко бросил он.

Повернувшись к нему, сделала несколько несмелых шагов вперед...

– Еще ближе... – шепнул он, похлопав подлокотник кресла, показывая мне, насколько близко я должна к нему подойти.

Этот жест – похлопывание – вывел меня из себя.

«Как собаку подзывает», – подумала я. Но подошла, встряхнув головой и упрямо подняв подбородок, глядя прямо на него.

«Я не покажу ему свой страх... пьян»

– Значит, ты целка, – констатировал он.

«Откуда он узнал?» – пронеслось в голове, а потом вспомнила, как неделю назад ко мне приходил врач и делал полное обследование.

«Доложили уже...» – подумала я.

Зачем ему я?! Надежда, вспыхнув огненным факелом, осветила все внутри меня, принося с собой лучик-шанс на то, что что такие, как я, ему не интересны: нечего не чувствующие, не умеющие... но тут же погасла, когда я увидела пустое, абсолютно равнодушное выражение его глаз.

– Мне абсолютно безразличен факт твоей девственности. Я трепета от этого не испытываю, возни только больше с целками поначалу. Не стой, раздевайся...

Осколки той угасающей надежды на то, что отпустит, что я не нужна ему, разбились прямо у меня в сердце, нанося рубцами несуществующие раны.

– Нет, – тихо пропищала я ему.

– Что – нет?

Его глаза, до этого спокойные, уравновешенные, загорелись огнем азарта и предвкушения. Я сразу же заметила эту перемену в его взгляде, еще, за секунду до этого, спокойном. Жестокая, страшная улыбка потихоньку начала расползаться на его лице, делая его для меня еще непривлекательнее.

– Я уже предупреждал тебя, что ты не имеешь права со мной спорить, девочка. Ни спорить, ни разговаривать со мной. Нельзя так же говорить мне – нет. От тебя я хочу услышать только «да, хозяин» и «как глубоко взять, хозяин». На колени, сука!

– Я не хочу, – тихо прошептала я в ответ. – Пожалуйста! Не делайте этого со мной!

– Пожалуйста, кто? Хозяин! – раздражаясь все больше, ответил мне он.

– У меня нет и не может быть хозяев. Я не вещь! – подняв подбородок и упрямо глядя ему прямо в глаза, ответила я.

Он, отставив бокал на столик, резко встал и в два шага, моментально преодолев расстояние, приблизился ко мне.

– Я предупреждал. Тебе это не понравится, – прорычал он и, намотав мои кудри на кулак, резко дернул голову вниз, второй рукой быстро расстегивая ширинку на брюках.

Я, больно ударившись коленями о мраморный пол, вскрикнула. Ему в глаза я уже не смотрела. В глаза этого монстра... Расстегнутая им ширинка, оказалась перед моими глазами. Я уставилась на его боксеры.

– Сними их. – Снова сухой, бесчувственный приказ. – Зубами.

– Да пошел т-т... – Его рука еще сильнее стиснула мои волосы в кулаке так, что от накатившей боли и страха из глаз полились слезы, и я послушно взялась зубами за его трусы и потянула их вниз. Его член был перед моими глазами, он был возбужден.

Из-за меня? Я испытывала двойственные чувства. Да что там, целую гамму чувств на разрыв. И боль, и унижение, и необузданное первобытное желание: как убить, так и прикоснуться к тому, кто завораживал меня своей силой. Сила или жестокость. Я знала, что между этими понятиями лежит очень тонкая грань, но не могла ее провести.

– Возьми его в рот. Ты делала это прежде?

– Нет. И не собираюсь.

Мои волосы, намотанные на его кулак, болели у корней, а он, еще сильнее дернул мою голову на себя, подался вперед так, чтобы мои губы нашли его член.

– Соси его. И делай это, до тех пор, пока не сможешь назвать меня своим хозяином.

Очередной вызов забурлил в крови – нет, никогда я не признаю этого жестокого урода своим хозяином! Нет, нет, нет. Не испытывая ни отвращения, ни желания, я послушалась его, боясь физического наказания. Я понимала, что это неизбежно. Закрыла глаза, чтобы не сгореть от стыда и не видеть это чудовище, прошлась губами по чувствительному месту на его члене. Я слышала, как Он тихо втянул воздух, и его грудной стон отдался легким возбуждением внизу

моего живота...

Черт возьми, я пробую его языком. Я была настолько против этого...

«А сейчас?»

– Жестче, – приказал он, свободной рукой обхватывая меня за скулы и не давая дернуться в сторону или отвернуться. Его пальцы лихорадочно запутались в моих волосах, направляя, чуть надавливая на затылок, помогая мне ласкать его эрегированный член.

Я, лихорадочно пытаюсь отстраниться, ухватилась за его бедра, но он мне не позволил, еще сильнее прижав рукой мою голову. Ногтями царапая его, я захрипела от сильных и жестких толчков. Он и не думал церемониться со мной. Это не желание быть со мной, он хотел этим только наказать меня, поставить на место...

– Назови. Меня. Хозяин. – Его дыхание стало более глухим, частым от удовольствия, которое он испытывал, унижая меня. Я распахнула веки и посмотрела на него снизу-вверх, пропадая в водовороте его глаз. Он смотрел на меня...

И я потерялась в его взгляде, растворилась вовсе. Голова закружилась. Никакой передышки. Лидируют лишь инстинкты, голые, такие примитивные, возбуждающе-порочные. Они взрывают мне мозг вспышкой неожиданного, непонятного для меня желания, которое уже не спадает ни на секунду, превращая меня в животное, не способное думать, только желать и хрипеть, широко открывая рот, чтобы с наслаждением принять его губами, лаская языком вздувшиеся вены, бархатную головку, впиваясь в его бедра ногтями. Почувствовала, как толкнулся к самому горлу, надавливая мне на затылок и застонал...

И меня трясет, как в агонии, как в лихорадке. Я захлебываюсь, обливаясь слезами, но лучше задохнусь совсем, чем попрошу его о пощаде. Двигается так быстро, что у меня перехватывает дыхание. Удерживая за волосы, надавливая на затылок, чтоб приняла еще глубже, и я чувствую, где заканчиваюсь, где его плоть бьется прямо мне в горло, словно пытаюсь заткнуть меня, чтобы и не дышала вовсе, чтобы не было больше этих слов неповиновения ему... соски

трутся о жесткую ткань униформы, задевая его брюки, вызывая дрожь во всем теле...

– Ты. Никто. – Толкнулся так глубоко, что из глаз опять брызнули слезы.

Рычит, все больше ускоряясь.

– Никто! – Толчок. – Никто! – Толчок. – Никто!

Беспрерывно, с каждым жестким ударом члена, вдавливая в меня это слово, пока я не слышу его дикий рев, и внутри, прямо глубоко в горле не разливается семя вместе с бешеной пульсацией каменной плоти...

Вышел из меня, резко дернул вверх, поднял, удерживая за шею, долго смотрел в глаза и в его зрачках отражение моих серых глаз, затуманенных и подернутых легкой дымкой возбуждения. Медленно провел большим пальцем по опухшим приоткрытым губам, а потом резко откинул в сторону. Я, не удержавшись на ногах, упала. Вскинула голову, смотря ему в глаза.

– Поверь мне, дальше может быть только жестче.

Надел боксеры, застегнул ширинку и, отвернувшись от меня, начал подниматься вверх по лестнице, больше ни разу не обернувшись...

А я все это время, пока он медленно поднимался, зажав рот кулаком, тихо глотала льющиеся по щекам слезы. Хотелось завывать в голос от обиды и унижения! Терла ладонью опухшие губы, пытаюсь стереть его вкус на языке, запах его, который въелся в каждую мою пору на коже.

«Ненавижу его! Как же я его ненавижу!»

Медленно поднимаюсь вверх по лестнице, а сам слышу ее тихие всхлипы и еле прорывающиеся рыдания. Ее истерика меня совсем не трогает.

«Сама виновата! Черт ее побери! Другая, на ее месте, не выводила бы меня из себя своим открытым неповиновением! А эта назло ведь, подбородок свой поднимает, смотря прямо в глаза, и отказывает! Мне!»

Монстр внутри меня мечется, он требует вернуться и ее наказать. Наказать по-настоящему, поломать, порвать, как вещь ненужную, которая и прибыла в этом качестве в мой дом. А потом выкинуть ее как поломанную, ненужную и забытую куклу! Уже много лет никто не говорил мне нет. Бесит.

Зашел в спальню, тихо прикрыв за собой дверь, и прислонился, пытаюсь отдышаться.

К ней. Так тянет сейчас спуститься к ней! Заглянул ведь в глаза эти серые, полные до краев обиды и ярости, и пропал, не смог больше себя сдерживать. Зверь взял надо мной верх.

Бл.дь! Разве эта сука хоть чем-то отличается от других?! Ведь она совершенно не в моем вкусе! Но как только прикоснулся к ней, ощутив легкий, едва уловимый запах ее первого возбуждения – так сорвало стоп-кран моей сдержанности и хладнокровия. Ведь взбесила меня своим отказом! Не хотел ее вовсе, а тут, как переключатель, сработал на отказ и вызов, брошенные ею. Рот этот ее бархатный, горячий, язычок неумелый... кончил, а у самого до сих пор яйца сводит до боли, как хочу ее снова. Стояк бешенный!

В ванну зашел, разделся и включил воду ледяную. Глаза закрыл, а перед глазами лицо ее сердечком, губы полные, влажные... как несмело языком меня первый раз коснулась, пробуя, все в голове каруселью, мыслями разноцветными кружит. Перед глазами ничего, кроме волос ее рыжих на уровне моего паха... Прислонился лбом к мокрому кафелю и провел по члену рукой, сжал... не отпускает... Ведь сто лет не дробил, а тут, как мальчишка... чтобы только назад не спуститься и ей не навредить! Не разорвать ее сейчас, не сломать окончательно! Стиснул второй рукой мошонку, чуть оттянул... рукой по каменному стволу вверх-вниз...

Бл...дь, сука! Какая же она сука! Чуть не задушил ведь ее там, внизу. Трахал эту суку в рот остервенело, жестоко, и не мог остановиться, понимая, что все это не утоляет голод, а наоборот, жажда обладать ею становится только невыносимей, когда каждый ее протяжный стон и хрип буквально раздирал мне все в голове,

выворачивая мозги наружу. Наслаждение такое острое и яркое! Нереальное...

«Наваждение какое-то! Не проходит!» Монстр во мне не успокаивается, его раззадорило ее открытое неповиновение. Он хочет поиграть с ней, уже скребет когтями, раздирая изнутри мое тело, и требует от меня крови – ее крови! Ему мало этого наказания.

«Нет», – говорю я себе. – «Подожди. Сейчас отпустит...»

Верх – вниз рукой по стояку, чуть сжал... сильнее, жестче...

Мягкость ее волос до сих пор ощущается в ладони, локон, как железным раскаленным прутом по руке прошелся, ожег оставляя. Запах ее... Сумасшедшая, глупая... зачем злит меня?!

Слегка встряхнув головой, пытаюсь прийти в себя. Впервые за десять лет я подавился от чувств, которые на меня обрушились. Ядреный, заводящий коктейль из бешенства, ярости и нереального возбуждения растекался по крови, словно яд замедленного действия, который был готов вот-вот прорвать, прожечь насквозь ледяную плотину моей сдержанности. Вспомнил, как серые глаза девушки блестели от такого же испепеляющего гнева, и это подстегивало меня снова и снова... как издали услышал свой мучительный стон. Наслаждение было таким мощным, что аж искры из глаз посыпались. Мне казалось, что меня разорвало на части.

Глава 7

Разбудил меня громкий телефонный звонок мобильного, оставленного мной еще с вечера на прикроватной тумбочке.

– Зверев, – тихо ответил я.

– Саш, привет, разбудил?

Я открыл глаза и посмотрел на время, на дисплее – 6.45.

«Кто еще мог такую рань – только Серый»

– Нормально все, – хриплым ото сна голосом ответил я. – Что случилось?

– Проблемы опять с ГазИ, Саш. Требуется, чтобы я наладил сбыт его железа* через нашу сеть. Все то, что мы с тобой совсем недавно обговорили. У клуба сегодня ночью мои ребята поймали их «шестерку», который пытался на мою машину взрывчатку приладить, так сказать «письмом для тебя», – затараторил Сергей.

– И где он? – сразу же проснулся я.

– В клубе, ребята пока в подвале закрыли. Я тебя ждать приказал. Он ни хрена не говорит, ни от кого, ни для чего...

– Ясно. Скоро буду. – ответил и положил трубку.

Так и предполагал, что с этим недоноском возникнет куча проблем! Всегда, где замешано оружие или наркота – возникают проблемы. Ну не занимаюсь я ни железом их, ни распространением наркотиков в своих клубах! Не занимался и не буду заниматься. А они этого понимать по-человечески не хотят, вот и пытаются прогнуть, каждый раз мои слабые места проверяя и выискивая. Их у меня нет, да и не было никогда. Я же не против, хотят заниматься – пусть занимаются, но только сами, меня не вмешивая. А им, видите ли, в нашем городе «окно» подавай! Каждый зарабатывает как может, я их не виню, но сам продажей и перепродажей оружия никогда не занимался, и никто меня ни силой, ни угрозами, ни деньгами не заставит поступиться своими принципами.

«Угрожать, значит решили... ну-ну»

Набрал телефон Олега.

– Просыпайся. Через двадцать минут выезжаем. И Алексея захвати, – отдал указания и направился в ванную.

Через пятнадцать минут я уже был готов и, спускаясь вниз, услышал такой не привычный в моем доме звонкий смех... Ее смех! Захаровна суежилась тут же, на кухне, готовя для меня завтрак. Олег что-то смешное рассказывал, стоя рядом,

сильно жестикулируя, а она улыбалась. Улыбалась, бл.дь, ему!

А лишь увидев меня, закусила губу и уставилась на свои руки, держащие чашку с кофе.

– Олег, – рявкнул я, – что за цирк?!

– Все в порядке, шеф. Готовы ехать, – отрапортовал он, улыбаясь ей уголком рта.

– Сашенька, даже кофе не выпьешь? – вклинилась в наше общение баба Маша.

Подошел, поцеловал ее в морщинистую щеку.

– Дела... Я смотрю, ты прислугу не очень-то нагружаешь работой, раз столько веселья с утра, – обратился к бабе Маше, – пусть в комнате у меня приберет сегодня.

Говорю, а сам на Нее смотрю, а она глаза со столешницы все не отводит.

Волосы эти кудрявые, рыжие, по плечам рассыпались, веснушки на носу, которые не замечал раньше... да и когда мне было ее разглядывать!

«Кроме волос, так ничего особенного... боится...»

Как будто мысли мои услышала! Тут же глаза свои большущие на меня подняла и подбородок опять выставила вперед упрямо. Глядит на меня с гневом, яростью! В серых глазах вновь вызов...

«Не сломал пока» выдохнул я, как будто боялся этого.

– Поехали, – дал указания охране и отвернулся от нее.

Зашли в лифт, и я развернулся к ребятам.

– Олег, я один раз сейчас повторю, а вы, оба, запомните. Больше повторять не буду. Никаких романов на работе.

– Понял, шеф. Не претендую, – заторопился Олег.

Алексей лишь ухмыльнулся...

– Стволы взяли? – нахмурился я. – Может, поразвлечься придется.

– А что случилось? – встрепенулись они.

– Гази озорничает. Давно нужно было его на место поставить. А тут, ночью, решил мне покушением на Серого свою точку зрения донести. Животное... – сказал, а у самого ярость начинает подниматься медленно, прямо к горлу, затягивая мой разум в свой черный, липкий омут.

Чувствую, что разговора с его пойманным человеком у нас сегодня не получится. Не убить бы его сразу!

Домчали до клуба быстро. Серега встретил нас у входа.

– Не признается кто нанял. Но мы то знаем, откуда может ветер дуть!

– Сейчас разберемся, – бросил я на ходу, – вы двое, – кивнул Олегу с Алексеем, – у дверей.

Сам, сняв пиджак и отдав его Олегу, прошел внутрь, начав медленно закатывать рукава белой рубашки...

Я никогда не помню себя в моменты ярости, как провалы в памяти. Она владеет мной полностью, заполняя собой все. Даже мои глаза становятся другого цвета – темно-синие, почти черные провалы глаз. В этом состоянии меня боялись абсолютно все. Я сам выгрызал себе дорогу в этом городе, свое имя, рвал за него зубами...

Да, приходилось быть жестоким, по – другому здесь никак нельзя было выжить. Меня ничто не держало в этом мире, у меня никогда не было слабых мест,

поэтому конкуренты старались со мной договориться полюбовно. Если этого не происходило, то я превращался в монстра. Я мог изощренно, часами выпытывать информацию, нужную мне, нанося допрашиваемому не смертельные, но ужасно болезненные раны по всему телу, резать, а потом рвать его на части.

Прозвище – Зверь, я, скорее, получил даже не из-за своей фамилии. Это моя сущность.

– Саш, – громко позвал меня Серый, встряхнув за плечо.

Его голос привел меня в чувство. Я осмотрелся. Улыбка растянулась на моем лице, превращаясь в оскал зверя. Камера в подвале превратилась в комнату из фильма ужасов. Монстр не хотел сдавать мне свои позиции, это его вотчина. Осмотрелся. Тело, сидевшего передо мной на стуле, превратилось в кусок мяса...

– Ну как? Узнал? – спросил меня Сергей.

– Конечно. Давно я не слышал столько признаний, как сегодня, – ответил я ему и улыбнулся.

– Даже я, спустя столько лет, тебя вот такого боюсь! – Серега, аж плечами передернул.

– Кто бы говорил! – парировал я ему.

– Ну я, по крайней мере, не оставляю после себя столько крови! – рассмеялся он. – Надо бы приказать ребятам, чтобы прибрали здесь за тобой, – сказал, кидая мне в руки полотенце.

Я поймал его на лету и вытер руки и лицо, на которое попали брызги крови. Белая рубашка тоже была испорчена. Выйдя из комнаты, столкнулся взглядом с Олегом, тот сразу же опустил глаза в пол. Они, никто кроме Серого, не смотрят мне в глаза в такие моменты. А Она – смотрела. Вспомнил этот взгляд с вызовом ночью и по телу легким возбуждением начало разливаться тепло.

Поднялись в зал.

– Который час? – спросил я, теряясь во времени в моменты гнева.

– Так больше семи часов зверствовал! – похлопал меня по плечу Сергей.

– Пошли то, что осталось от тела посылкой Гази. Пусть знает, что мы его «письмо» получили. Ни к чему скрываться, он все равно сразу узнает мой почерк.

– Саш, ответка будет.

– Надеюсь на это. Пусть попробуют, – улыбнулся я мальчишеской улыбкой, – меня им зацепить нечем.

Сергея подмигнул мне в ответ. Как много лет мы с ним вместе! Выросли в одном детдоме. Друг за друга с самого раннего детства горой. Сколько себя помню, в моей жизни всегда был он. Мы все делали с ним вдвоем, пробивали себе дорогу в этом городе, добились успеха и авторитета у конкурентов, дополняя друг друга. Без одного просто не может быть другого и наоборот. Я знал, что в любое время суток могу положиться лишь на него...

– Как тебе мой подарок? Прижилась? – вдруг спросил он у меня.

Нахмурился, не хочу говорить о ней. Ни с ним... Ни с кем...

– Назад хочешь забрать? – повернулся к нему, смотря прямо в глаза.

Он, подняв две руки вверх, как в знак примирения, покачал головой. Слов не нужно. Мы всегда друг друга понимали.

Сам пока не осознал своей реакции. Мы с Серым никогда не делили баб. За нашу жизнь их встречалось бесчисленное количество, но ни одна не становилась между нами. Я предпочитал брюнеток, Серега – блондинок. Если другу нравилась моя девушка, то я отдавал, как переходящий приз, не чувствуя при этом ни грамма сожаления. Ни я, ни он не испытывали ни к кому привязанности и желания обладать единолично.

Она же, пробудила во мне интерес. Я спокойно смогу удовлетворить свои желания, не мучаясь отвращением, которое испытал бы, потрачивая прислугу

дома. Никогда не спал ни с одной из них – ведь они были еще сломленнее, чем обычные проститутки, и сделали бы все ради того, чтобы я их освободил, или наоборот – оставил дома, но теперь уже в качестве одной из своих любовниц. Покорность и невинность никогда не заводили меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gulyaeva_evdokiya/zver

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)